

УДК 882

**ЗНАКИ В ЛИРИЧЕСКОМ И ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ
Ф.И. ТЮТЧЕВА В СВЕТЕ ДЕСКРИПТИВНОЙ ПРАГМАТИКИ**

Кудрявкин Сергей Серафимович

заведующий научно-исследовательским отделом

Мичуринский краеведческий музей

г. Мичуринск, Россия

Саркисов Александр Исаакович

доцент

asarkisov1957@me.com

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск, Россия

Никульшин Валентин Яковлевич

директор института

dekanatfnk@yandex.ru

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается специфика отношения Тютчева к знакам, наполняющим окружающую его действительность, и его лирического героя к знакам, встречающимся в художественном мире лирики поэта.

Ключевые слова: семиотика, знак, прагматика, реципиент, денотат, десигнат, апофатика.

Предмет анализа данной статьи составит специфика отношения Ф.И. Тютчева к знакам, наполняющим окружающую его действительность, и его лирического героя к знакам, встречающимся в художественном мире лирики поэта. Изучение указанного вопроса лежит, как известно, в рамках *прагматики*, одного из трех основных разделов *семиотики*, науки, занимающейся знаковыми системами [См.: 2-5, 7]. Точнее, в рамках *дескриптивной прагматики*, сосредоточенной на знаке, произведенным или употребленным интерпретатором, «как средстве получения информации об интерпретаторе» [5, с. 78], в данном случае – о поэте-философе и дипломате Федоре Тютчеве.

Материалом исследования, помимо лирики, стало и эпистолярное наследие Тютчева, что позволило скоррелировать виртуальную семиотику художественного пространства с реальной семиотикой реальной действительности.

Примеры позитивного отношения Тютчева к знакам и в лирике, и в письмах относительно редки. В подавляющем большинстве случаев поэт и его лирический герой воспринимают знаки критически в меньшей или большей степени.

Ирония к социальным знакам слышится в письме Тютчева от 1842 года по поводу оставления им дипломатической карьеры. «Оказывается, <...> покидая службу, сохраняешь право на ключ и на звание камергера, но теряешь право на мундир. Вот я и лишен галунов...» [6, с. 213]. Если отношение к такому знаку-распределителю на лестнице-табели рангов, как *камергер* никак не выражено, равно как и к *ключу* (знак знака), то отношение к *мундиру* (еще один знак знака) и, далее, к *галунам* (а это уже, в сущности, знаки знака знака: *камергер – мундир – галуны*) явно насмешливое. Не случайно в толкование *галуна-тесьмы* в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля входит определение-эпитет *мишурная* [См.: 1], имевшее в то время негативную окраску поверхностности и фальши (вспомним, хотя бы, хрестоматийное: «А мне, Онегин, пышность эта // Постылой жизни мишура...»). Не исключено, что

именно эта вторичность (знак знака), а, порой, и "третичность" (знак знака знака), и обусловили тютчевскую иронию. Избыточный лестничный каскад знаков неизбежно приводит к увеличению разрыва-дистанции между десигнатом и первичным денотатом, выхолащивает знаковую апофатику и, в итоге, действительно, может полностью лишиться стоящий в конце цепочки (в нашем случае, *галун*) знак какого-либо смысла. Следовательно, отпадает необходимость и в самом знаке.

Одной из мотивировок отказа знаку в праве на существование является сомнение Тютчева в эффективности выполнения им коммуникационной функции. Одни и те же знаки реципиентами могут читаться, к сожалению, весьма различно, что может быть обусловлено и субъективными причинами: несовпадением мировоззренческих (философских, богословских, политических, социальных) позиций реципиентов.

Следует отметить, что, по мнению отцов современной семиотики, тождественное прочтение знака двумя реципиентами и более невозможно. «Для того, чтобы достаточно сложное сообщение было воспринято с абсолютной идентичностью, нужны условия, в естественной ситуации практически недостижимые: для этого требуется, чтобы адресант и адресат пользовались полностью идентичными кодами...» [2, с. 157].

На восприятие знака, по Тютчеву, влияние оказывает и национальность реципиента. Подтверждение этому тезису можно найти в знаменитой элегии «Эти бедные селенья...» (1855), раскрывающей «Русскую идею». Бедность селений и скудость русской природы, лежащих в основе печального облика-образа России, для иностранца лишены знаковости (т.е., означают очевидно поверхностное: бедность и скудость):

Не поймет и не заметит

Гордый взор иноплеменный,

Что сквозит и тайно светит

В наготе твоей смиренной... [6, с. 80]

Тогда как для поэта и для русского человека вообще «смирная нагота» выступает знаком – ни много ни мало – богоизбранности русского народа.

В принципе, идея коммуникационной непродуктивности знака просто обязана была найти свое выражение в тютчевском наследии. Автор «Silentium!» с общеизвестной строкой-афоризмом «Мысль изреченная есть ложь» не мог быть уверенным в идентичном понимании знака разными людьми. Выступив одним из самых ярких адептов идеи невыразимости в русской философской лирике, Тютчев нередко отказывался от знаковой конкретизации неконкретизируемого, невыражаемого. Так, например, в описании «разговора» грозы с реками и лесами в элегии «Не то, что мните вы, природа...» (1836) поэт не берет на себя смелость расписывать «неземные языки» общения природных явлений «земными» языковыми ресурсами.

Знаковой кодировки может не требовать также информация слишком важная и дорогая для Тютчева и его героя. Нечто настолько прочно укрепляется в памяти, находится в настолько доступных зонах сознания, что использование какого-либо знака, хранящего соответствующую информацию и, при необходимости, извлекающего ее из памяти, абсолютно излишне. Более того. Образ или событие могут быть «незабвенны» настолько, что сами могут реанимировать свой утраченный знак. Об этом свидетельствуют строки из письма Тютчева 1847 года Эрнестине Федоровне. Подробно описывая свои перемещения по Европе, поэт, в частности, замечает: «Из Базеля я отправился в Страсбург, где переночевал в Maison Rouge. Само собою разумеется, я не преминул передать от тебя поклон Мюнстеру. Я уже не нашел того куста сирени, который мы с тобой видели таким свежим и цветущим на старой крыше одного из домов против собора...» [6, с. 249]. Несомненно, что куст сирени мог успешно выполнять функцию знака-памятника пережитых некогда в Мюнстере молодыми людьми позитивных эмоций. Однако, в силу обстоятельств, куст исчез со «старой крыши», но надолго остался в памяти Федора и Эрнестины Тютчевых.

В свою очередь, нежелательность, а стало быть, и ненужность знака могут быть обусловлены негативностью информации, с ним связанной. Человек, порой, предпочитает забыть о чем-либо. Для Тютчева также некоторые воспоминания в силу тех или иных обстоятельств становятся тяжелыми. Психологическая мотивировка отказа от прошлого при этом, как правило, по-тютчевски сложна. Вот, например, выдержка из письма Эрнестине Тютчевой от 1846 года из Овстуга: «...я окружен вещами, которые являются для меня самыми старыми знакомыми в этом мире, к счастью, значительно более давними, чем ты... Так вот, быть может, именно эта их давность сравнительно с тобою и вызывает во мне не особенно благожелательное отношение к ним. Только твое присутствие здесь могло бы оправдать их. Да, одно только твое присутствие способно заполнить пропасть и снова связать цепь...» [6, с. 241]. Знаки «доэрнестининского периода» и погружают Тютчева в этот самый «доэрнестининский период», что вызывает его неприятие: он не хочет вдруг оказаться во времени, когда ему еще не был известен столь дорогой впоследствии человек. Из его, тютчевского бытия как бы выпадает отрезок времени Эрнестины, и выйти из столь тревожного состояния возможно только при условии присутствия любимой женщины, способной связать прошлое с настоящим.

Еще один недостаток функционирования знаков по Тютчеву заключается в кратковременности их действия. Примеры знаков, не способных длительно «держат» реципиента в соответствующем эмоциональном состоянии, встречаются в письме Тютчева жене из Овстуга 1846 года. Поэт упоминает здание родового дома, сад, перечисляет многочисленные вещи, которые обступают его в кабинете покойного отца, в спальне – всё это знаки прошлого, знаки детства. «...в первые мгновенья по приезде мне очень ярко вспомнился и как бы открылся зачарованный мир детства, так давно распавшийся и сгинувший», – признается он. «Но, – с сожалением замечает Тютчев уже в следующем абзаце письма, – ты сама понимаешь, что обаяние не замедлило исчезнуть и волнение быстро потонуло в чувстве полнейшей и окончательной

скуки...» [6, с. 242]. Для поэта, оставившего миру строки «Продлись, продлись очарованье...», эмоциональное непостоянство всегда являлось признаком человеческой слабости в частности и несовершенства мироздания в целом. Критическое отношение к знакам кратковременного воздействия, возможно, этим и обусловлено.

Симптоматично продолжение цитируемого письма из Овстуга. Чувство «полнейшей и окончательной скуки» покидает Тютчева, как только ему передают письмо от Эрнестины Федоровны. «К счастью, мне подали твое письмо, прибывшее сюда за три или четыре дня до меня и любезно ждавшее меня на пороге, чтобы приветствовать мой приезд...» [6, с. 242]. Знаки прошлого Тютчева удовлетворить не смогли, знак настоящего (письмо как знак жены и их взаимоотношений) воспринят им едва ли не восторженно.

В связи с этим представляется возможным наметить следующую параллель, особенно характерную для мэтра русской натурфилософской лирики. Природа в произведениях поэта также «предпочитает» знаки настоящего. Прошлое безразлично для нее и память о нем она не хранит. В стихотворении «Весна» <1838>, например, вся жизнь природы «в настоящем разлита». А востребованность знака для реципиента, находящегося в одном временном отрезке с тем, что потенциально могло бы быть им обозначено (человек, явление, событие и т.п.), минимальна, если не стремится к нулю.

В то же время, как ни парадоксально, знаки, актуальность которых с течением времени не утрачивается, Тютчевым признаются. В принципе, это не противоречит и тезису о частичной солидарности поэта с природой и ее приоритетом настоящего времени: «вечные» знаки «работают» вечно: и в прошлом, и в будущем, и, в том числе, в настоящем. Принципиально близкую мысль выскажет о. Флоренский по поводу мистических знаков: «Память есть символотворчество. Помещаемые в прошедшее эти символы, в плоскости эмпирии, именуются воспоминаниями; относимые к настоящему они называются воображением; а располагаемые в будущем – считаются предвидением и предведением. Но и прошедшее, и настоящее, и будущее, <...>

должны сами переживаться, хотя и как одновременные, но зараз, т.е. под углом Вечности...» [Цит. по: 3, с. 222].

Беззнаковое растворение в вечности тревожит и печалит поэта. Иногда оно может выступать как критерий неразумности каких-то событий, участь которых – кануть в Лету неразумности этой вследствие. Такова судьба декабристов в стихотворении 1826 года «14-ое декабря 1825». Будучи монархистом до конца своих дней, Тютчев не разделял декабристских настроений, хотя и был близко знаком со многими «северными». Почеловечески сочувствуя «жертвам мысли безрассудной», чья кровь «едва, дымясь, <...> сверкнула на вековой громаде льдов», поэт, тем не менее, завершает элегию неутешительно: «Зима железная дохнула – // И не осталось и следов».

Как своеобразный антиапофеоз бесследности можно рассматривать и знаменитую элегию 1848 года «Русской женщине». В первой строфе элегии наблюдается нагнетание негативных условий, в которых героине выпало влачить существование: «Вдали от солнца и природы, // Вдали от света и искусства, // [6, с. 61].

Вся вторая строфа элегии – бесконечный каскад стихов, в целом рисующих картину абсолютного беззнакового исчезновения в вечности памяти о русской женщине: «И жизнь твоя пройдет незрима, // В краю безлюдном, безымянном, // На незамеченной земле...» [6, с. 61]

Показательно, что по отношению к первой вторая строфа выступает как кульминационная: затерянность и бесследность прожитой жизни – более трагичны, чем жизнь «вдали от солнца и природы» и т.д. С другой стороны, первая строфа, в свете темы настоящей статьи, является сводом условий не только безрадостной жизни русской женщины, но и, от обратного, условий возможности «жизни» в вечности знака героини, иначе – сохранения памяти о ней. Для этого само означаемое (денотат) должно быть в определенной мере исполнено *солнцем, природой, светом, искусством, любовью*; тогда и

обозначаемое (десигнат) имеет все шансы если не на вечное, то на долгое бытие.

Если попытаться подыскать поэтическим символам первой строфы какое-то более общее понятие, то можно предложить такой вариант, как *одоухотворенность*. Думается, именно это и имел в виду Тютчев в письме дочери Екатерине в конце жизненного пути (1871): «Сказано, что человек, старея, делается своей собственной карикатурой. То же происходит и с вещами самыми священными, с верованиями самыми светлыми: когда дух, животворящий их, отлетел, они становятся пародией на самих себя...» [6, с. 462]. Мысль поэта-философа о превращении со временем людей и вещей в автознаки важна и интересна сама по себе. Но в данной работе подчеркнем лишь тот тезис, что при утрате «животворящего духа» знак становится знаком-пародией, т.е. искажающим информацию об обозначаемом, недостоверным и, стало быть, нежелательным для пользователя.

В завершение статьи выскажем предположение, что столь частые отказы от «услуг» знаков Тютчева и героев его лирики обусловлены присутствием последним нравственным максимализмом. Тютчев никогда не согласен на половинчатость. Чего стоит хотя бы его яростно-обреченное «О Господи...! и это пережить... // И сердце на клочки не разорвалось...», вырвавшееся в связи со смертью Елены Денисьевой. По мнению поэта, душевное исцеление и примирение с потерей любимого человека кощунственны и мелки, и полнота (максимальная) чувств требует от него, поэта и героя, полного (максимального) неприятия действительности – смерти. Так же и со знаками: либо – вечные, либо – никаких.

Список литературы:

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – Т.1. – М.: Русский язык, 1989. – 704 с.
2. Лотман, Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2001. – 704 с.

3. Почепцов, Г.Г. Русская семиотика. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2001. – 768 с.
4. Почепцов, Г.Г. Семиотика. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2002. – 432 с.
5. Семиотика: Антология / Сост.Ю.С. Степанов. – М.: Академ. проект, 2001. – 702 с.
6. Тютчев, Ф.И. Собрание сочинений. – Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2003. – 592 с.
7. Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – 443 с.

UDC 882

**SIGNS IN THE LYRICAL AND EPISTOLAR HERITAGE
F.I. TYUTCHEV IN THE LIGHT OF DESCRIPTIVE PRAGMATICS**

Kudryavkin Sergey Serafimovich

Head research department
Michurinsky Museum of Local Lore
Michurinsk, Russia

Sarkisov Alexander Isaakovich

Associate Professor
asarkisov1957@me.com
Michurinsk State Agrarian University
Michurinsk, Russia

Nikulshin Valentin Yakovlevich

Director of the Institute
dekanatfnk@yandex.ru
Michurinsk State Agrarian University
Michurinsk, Russia

Annotation. The article examines the specificity of Tyutchev's attitude to the signs that fill the reality around him, and his lyrical hero to the signs found in the artistic world of the poet's lyrics.

Key words: semiotics, sign, pragmatics, recipient, denotation, designatum, apophatic.